

КОВЧЕГ СПАСЕНИЯ

ПРОЛОГ

Мертвый корабль казался красивым до неприличия.

Скади описывала вокруг него петли, двигаясь по спиральной псевдоорбите. Маневровые двигатели ритмично постукивали, краткими выбросами корректируя траекторию корвета.

За кормой кружился звездный пейзаж, солнце системы то ныряло, то всплывало снова с каждым оборотом спирали. Скади глядела на звезду чуть дальше, чем следовало, — и ощутила спазм в горле, предвестие тошноты.

Только этого не хватало.

Рассерженная Скади вообразила свой мозг — стеклянно отблескивающую трехмерную картину. Словно отделяя кожуру плода, сняла слои кортекса и неокортекса, части собственного «я», в данный момент ее не интересующие. Серебристое плетение имплантированной в мозг сети, структурно идентичной нейронной сети мозга, мерцало, отображая интенсивный обмен сигналами. Импульсы неслись от нейрона к нейрону со скоростью километр в секунду — десятикратно быстрее, чем по естественным нервам. Конечно, на самом деле Скади воспринимать движение сигналов не могла — это бы потребовало ускорить обработку информации мозгом, что, в свою очередь, потребовало бы ускорить перемещение сигналов. Тем не менее даже условная картина неплохо отображала относительную активность областей усовершенствованного мозга Скади.

Она сконцентрировалась на архаической, доставшейся людям от далеких предков области мозга, называющейся *area postrema* — средоточии нервных узлов, обеспечивающих нормальное положение тела в зависимости от воспринимаемого зрением окружения. Внутреннее ухо ощущало лишь постоянное ускорение корвета — а глаза воспринимали кружащийся мир. Архаичная нервная механика могла разрешить несоответствие одним-единственным образом. Она пришла к выводу, что Скади галлюцинирует. Галлюцинации, скорее всего, вызваны поступившим в организм ядом, потому *area postrema* и послала сигнал в область мозга, отвечающую за экстренное очищение желудка.

Скади понимала: бессмысленно винить мозг за такое действие. Заложенное в него предположение, что галлюцинации вызваны ядом,

отлично работало миллионы лет, позволяя предкам находить новые виды пищи. Увы, сейчас, на холодном опасном краю чужой солнечной системы, оно оказалось бесполезным.

Можно было бы вообще стереть архаичную связь, переписать базовую структуру, но это, увы, куда труднее, чем кажется. Разум — структура чрезвычайно сложная, запутанная, похожая на многократно переписанную сверхмудреную компьютерную программу. Отключая центр, производящий эффект тошноты, неминуемо затронешь связанные с ним центры, а их много. Предсказать все изменения трудно. Но при временном отключении эффектами можно пренебречь. Скади продельвала подобное тысячи раз, побочные эффекты возникали крайне редко.

Так, готово. Источник неприятностей замерцал, высветившись розовым, затем пропал из сети. Тошнота исчезла. Теперь жить куда приятнее.

Но осталась злость на собственную небрежность. Когда служила в командос и часто уходила на занятую врагом территорию, нипочем не оставляла на самый последний момент простейшую операцию по обузданию тошноты. Расслабилась, а это непростительно. В особенности сейчас, когда вернулся корабль, что для Материнского Гнезда может оказаться важнее событий на фронте.

Она почувствовала себя лучше. Ничего, старина Скади еще о-го-го! Стряхнуть пыль, размяться — и хоть сейчас в дело.

— Скади, ты же будешь предельно осторожна, правда? С этим кораблем случилось что-то очень странное.

Спокойный женский голос заполнил ее голову. Скади знала: слышит его лишь она, голос возник в ее сознании. Ответила про себя, лишь сформулировав мысль:

— Я знаю.

— Корабль опознан? Который из двух?

— Корабль Галианы.

Скади уже облетела корабль по кругу, и в ее визуальной коре возник трехмерный образ, расчерченный координатной сеткой. Образ мерцал, модифицируясь в соответствии с новыми данными, поступающими от анализа собранной информации.

— Корабль Галианы? Ты уверена?

— Три ушедших корабля отличались мелкими деталями. Наблюдаемое мною сейчас позволяет заключить: скорее всего, это именно корабль Галианы.

Как обычно, голос чуть помедлил с ответом.

— Мы пришли к такому же выводу. Но этот корабль видоизменился с тех пор, как покинул Материнское Гнездо.

— Да уж, видоизменился. И очень.

— Ведите обследование в направлении от носа к корме. Очевидны признаки значительных повреждений: разрезы, вмятины, части корпу-

са удалены и не замещены, словно иссечена воспаленная ткань. Как считаешь, это плавящая чума?

Скади покачала головой, вспоминая недавнюю поездку в Город Бездны.

— Я видела, что делает плавящая чума. То, что вижу сейчас, на нее не слишком похоже.

— Мы согласны, подобия нет. Тем не менее необходимо задействовать все меры карантина, предусмотренные для таких случаев. Наблюдаемое может оказаться столь же заразным. Пожалуйста, сосредоточьтесь на корме.

Голос совершенно не походил на голоса остальных сочленителей, которых знала Скади. Он звучал назидательно и педантично, словно говоривший уже знал ответ на задаваемый вопрос.

— Скади, что ты думаешь об упорядоченных структурах, внедрившихся в корпус?

На корпусе тут и там, разбросанные без видимого порядка, возвышались груды черных кубов различного размера и ориентации. Их вдавило в корпус, словно в мягкую глину. У многих торчали на поверхности лишь части. От погруженных отходили изящными фрактальными арками цепочки меньших кубов.

— Похоже, они пытались врезаться в корпус и отделить его часть. Судя по виду корабля, кое-где им это удалось.

— Согласны. Чем бы они ни были, относиться к ним следует с чрезвычайной осторожностью, даже если они сейчас и неактивны. Возможно, Галиане удалось остановить их распространение. Ее корабль сумел вернуться, хоть и прилетел на автопилоте. Скади, вы уверены в том, что на борту не осталось живых?

— Нет, и не буду уверена, пока не проведу полное обследование. Но шансы отыскать живых кажутся небольшими. Внутри не детектируется движение, нет областей повышенной температуры. Корабль слишком холоден, поддерживающие жизнь процессы внутри невозможны — разве только криоарифметические системы работают.

Скади замешкалась, запустив в своем мозгу в фоновом режиме дополнительные моделирующие процессы.

— Скади?

— Да, возможно, на борту есть небольшое количество выживших. Но бóльшая часть команды, несомненно, всего лишь замороженные трупы. Допускаю, мы сумеем извлечь несколько воспоминаний, но и это представляется сомнительным.

— Скади, нас по-настоящему интересует лишь один труп.

— Я не знаю даже, на борту ли Галиана. Но если она там и мы направим все усилия на воскрешение... у нас может не получиться.

— Мы понимаем. Сейчас трудные времена. Но успех в этом деле даст многое, а последствия неудачи окажутся катастрофическими. Это

будет даже хуже, чем если бы мы смирились с гибелью Галианы. По крайней мере, с точки зрения Материнского Гнезда.

— Таково взвешенное, официальное мнение Ночного совета?

— Все наши решения тщательно продуманы. Мы не можем допустить заведомую неудачу. Но это не значит, что мы намерены бездействовать. Если Галиана на борту, будет сделано все возможное для ее воскрешения — но с соблюдением секретности.

— Что вы имеете в виду под секретностью?

— Возвращение корабля невозможно скрыть от всего Материнского Гнезда. Но мы не станем питать ложные надежды, мучить ожиданием. Сообщим: Галиана мертва, шансов вернуть ее нет. Пусть горе наших людей будет кратким и ярким, словно взорвавшаяся звезда. Это лишь сплотит их, придаст сил в борьбе с врагом. Мы же тем временем тщательно, не жалея труда, поработаем над нею. Если сумеем оживить, это покажется чудом, и нам простят легкое отклонение от правды.

— Уклонение от правды? — Скади едва удержалась от смеха. — По мне, это обыкновенная ложь. И как же вы будете убеждать Клавэйна в целесообразности такого «уклонения»?

— Скади, отчего ты считаешь, что с Клавэйном неизбежны трудности?

Она ответила вопросом на вопрос:

— Вы намерены и ему не сказать всего?

— Скади, мы воюем. Не хочется утомлять тебя повторением старой мудрости о том, что на войне первой погибает правда. Но мы уверены: ты понимаешь суть. Клавэйн — важная часть нашего тактического арсенала. Его мышление уникально среди сочленителей, оно постоянно дает нам преимущество над врагом. Горе Клавэйна будет сильным, но кратким, как и у его соотечественников. Он преодолеет скорбь и станет прежним, когда нужда в его разуме будет особенно велика. Разве это правильно — заставлять его ждать и верить, а затем разбить надежду, подорвать дух?

Тон голоса изменился — возможно, для пущей убедительности.

— Скади, Клавэйн — эмоциональная личность, причем эмоциональнее любого из нас. По состоянию нервной системы он был старейшим из воинов, когда-либо присоединившихся к нам. Он мыслит по-старому, реагирует как человек прошлого, и об этом нельзя забывать. Клавэйн уязвим и нуждается в заботе — как хрупкий тепличный цветок.

— Но лгать ему о Галиане...

— Допустим, нам и не придется лгать. Мы забегаем вперед. Прежде всего нужно обследовать корабль. Может оказаться, что на нем и нет Галианы.

— Вот был бы подарочек! — хмыкнула Скади. — Это означало бы: она где-то далеко, ее судьба неизвестна.

— Да. Но тогда встает вопрос: что же с третьим кораблем?

За девяносто пять лет, прошедших с начала эпидемии, сочленители достигли больших успехов в борьбе с инфекцией, многое узнали о вирусе. Они остались в числе немногих фракций, которые сохраняли существовавшие до эпидемии технологии и очень серьезно относились к карантину. В мирное время легче и проще всего было бы обследовать корабль на месте, дрейфующим на окраине системы. Но сейчас риск был слишком велик. Демархисты могли заметить активность, потому следовало замаскировать предмет исследований. Материнское Гнездо уже приготовилось принять зараженный корабль.

Но все-таки осторожность требовала провести предварительное обследование и подготовку, а это подразумевало работу в открытом пространстве. Прежде всего надо удалить двигатели. Роботы перережут лазером балки, соединяющие их с коническим корпусом субсветового звездолета. Сколь бы малой ни была вероятность взрыва двигателей, она оставалась ненулевой. А взрыв уничтожил бы Материнское Гнездо. Скади решила не допустить даже малейшей опасности. К тому же природа поразившего корабль бедствия неясна.

Скади приказала реактивным тягачам подтащить глыбы черного кометного льда к дрейфующему кораблю. Затем роботы покрыли корпус метровым слоем льда, закрепили и уплотнили его. С работой справились быстро, не соприкоснувшись ни единого раза с оболочкой. Изначально темный корабль стал чернее смолы.

Закончив с покрытием, Скади расставила тягачи вокруг корабля. Выброшенные на тросах якоря впились в ледяную оболочку. Поскольку она должна была принять все усилие буксировки, чтобы не расколоть его, тягачей пришлось использовать много, около тысячи, равномерно распределив их у поверхности. Когда все они заработали, картина вышла феерически красивая: тысяча искорок голубого пламени у черной остроконечной глыбы мертвого субсветовика.

Скади рассчитала столь точно, что обошлась лишь одним включением корректирующих двигателей для приближения к Материнскому Гнезду. И сделала она это в период существования «слепого пятна», не просматриваемого сканерами демархистов. Те полагали, что сочленителям о «слепых пятнах» неизвестно.

В Гнезде корабль поместили в пятикилометровый док со стенами, облицованными керамической броней. Док создали специально для обработки пораженных эпидемией кораблей, в нем мог поместиться субсветовик со срезанными двигателями. Толщина керамики достигала тридцати метров, машины в доке были иммунны к известным штаммам плавящей чумы. Когда корабль разместился внутри, док немедленно заперли и загерметизировали — вместе с поисковой командой. Ее Скади отбирала сама. Из дока поддерживалась лишь минимальная связь с внешним миром. Исследовательская группа оказалась практически в изоляции от миллиона сочленителей, живших в Гнезде. Потому в нее набрались те, кто мог работать в изоляции, то есть не всегда опыт-

ные и надежные специалисты. Но жаловаться не приходилось. Способность к автономной деятельности была среди сочленителей очень редкой, а Скади, та и вовсе представляла из себя уникал: она могла совершенно одна работать в глубоком вражеском тылу.

Когда корабль зафиксировали, в док накачали аргон, установив давление в две атмосферы. Ледяной щит осторожно испарили, оставили лишь тонкий слой, который сам растаял за шесть дней. Вокруг корабля стаяй чаек сновали датчики, готовые поднять тревогу при первых же признаках враждебной субстанции в аргоновой атмосфере. Но не заметили ничего необычного — лишь осколки корпуса.

Скади выжидала, приняв все мыслимые меры предосторожности. Не притрагивалась к кораблю до тех пор, пока это не стало неизбежным. Подковообразный сканирующий гравиметр жужжа порхал вокруг субсветовика, просматривая внутреннюю структуру, вглядываясь в мелкие детали. Большинство элементов мало отличалось от известных по чертежам. Но были и странные, явно чужеродные вкрапления: жгутики массы, причудливо изгибавшиеся под обшивкой. Они напоминали пулевые каналы в теле либо треки, оставляемые элементарными частицами в пузырьковых камерах. А когда гравиполе приближалось к поверхности, там непременно оказывалась структура из притопленных черных кубов.

И хотя все данные указывали на отсутствие выживших, на корабле наличествовали места, где могли бы прятаться уцелевшие. Нейтринный радар и гамма-сканер позволили исследовать многие детали внутренней структуры, но не все. Кое-что очень важное осталось под вопросом. Потому Скади неохотно перешла к следующей стадии: физическому контакту. На корпусе в разных местах были закреплены молоты — и сотни микрофонов.

Молоты застучали о корпус. Какофония слышалась и сквозь скафандр: аргоновая атмосфера неплохо проводила звук. Казалось, армия кузнецов старается в далекой кузне. Приборы записывали структуру отражаемых и проводимых корпусом звуковых волн. А один из старых мозговых контуров Скади декодировал информацию, передаваемую с микрофонов, и конструировал трехмерную эхограмму корабля.

Скади видела ее в призрачных серо-зеленых тонах. Картина не противоречила узнанному прежде, но она добавила несколько важных штрихов. К сожалению, выяснить больше, не заходя внутрь корабля, было невозможно. А проникнуть туда оказалось нелегко. Все шлюзы были залиты изнутри расплавленным металлом.

Нервничая, Скади медленно прорезала их лазерами и гипералмазными сверлами. Поисковая команда работала осторожно — неизвестность здорово действовала на нервы.

Когда первый шлюз поддался, внутрь отправилась группа крабоподобных роботов, одетых в керамическую броню, снабженных лишь

минимумом интеллекта, достаточным для выполнения задачи. Крабы транслировали видеоданные в мозг Скади.

Найденное ужаснуло.

Команду звездолета безжалостно истребили: одних разорвали на части, других расплющили, истерли в кашу, разрубили на множество частей. Сожгли, заморозили, удушили. Причем бойня явно тянулась долго.

Скади понемногу восстановила картину произошедшего: несколько жестоких схваток, отчаянные попытки запертых в тупике подороже продать свою жизнь. Люди держались в разных частях корабля, сооружали наспех баррикады. Сам корабль пытался изо всех сил помочь им, меняя внутренние перегородки, препятствуя продвижению врагов. Закачивал в отсеки охладитель, газ под высоким давлением. В заполненных отсеках обнаруживались странные, неуклюжие на вид машины — сочленения тысяч простейших геометрических фигур.

Напрашивалась очевидная версия. Кубы сперва прицепились к поверхности корабля Галианы. Там они росли и размножались, поглощая и усваивая оболочку — то есть действуя на манер плавящей чумы. Но ее инфекционные агенты были микроскопическими, крупные же черные кубы представляли собой структуры гораздо более грубые; они безжалостно поглощали жертву и превращали ее в себя. Чума, по крайней мере, отчасти сохраняла свойства зараженного, трансформируя его в химерическую смесь плоти и механики.

Как бы ни хотелось Скади признать черные кубы разновидностью эпидемии, они безусловно представляли собой нечто принципиально иное.

Кубы проникли внутрь корабля и соединились в боевые агрегаты, в солдат. Эти солдаты медленно распространялись от точек внедрения, убивая команду. Судя по останкам, боевые машины были угловатыми, нескладными, больше походили на осиный рой, чем на единое целое. Наверняка они могли, разделившись, протиснуться в мельчайшую щель, чтобы заново собраться по другую ее сторону. Тем не менее битва продолжалась долго. По оценке Скади, корабль сопротивлялся несколько дней. А может, и недель.

Она содрогнулась, представив, как это происходило.

Спустя день после вскрытия корпуса роботы обнаружили почти нетронутые человеческие тела — но головы обволакивала сплошная оболочка из кубов. Чужие машины казались бездействующими. Роботы удалили часть оболочки, и выяснилось, что черные выросты заходят глубоко в черепа через уши, ноздри и глазницы. Дальнейшие исследования показали: выросты делятся, ветвятся, превращаются в нити микроскопической толщины. Проникают глубоко в мозг, соединяются с сетью имплантатов, присущей всем сочленителям.

Но теперь и машины, и пораженные ими люди выглядели мертвыми.

Бортовой архив оказался тщательно стерт. Скади не удалось составить полную картину случившегося. Очевидно, Галиана встретила не-

что враждебное — но почему кубы сразу не уничтожили корабль? Вместо этого они долго и мучительно пробивались внутрь. Похоже, хотели нанести кораблю как можно меньше повреждений.

Но ведь был и другой корабль. Что же случилось с ним?

— Скади, есть какие-нибудь соображения? — прозвучал голос.

— Есть. Но все они мне не слишком нравятся.

— Не кажется ли тебе, что кубы попросту хотели узнать как можно больше?

— Другого объяснения не вижу. Запускали датчики в мозг, исследовали архитектуру нервных связей, считывали данные. Изучали нас.

— Да. Мы согласны с этим. Они узнали о нас многое. Их необходимо рассматривать как угрозу, хотя нам неизвестно, где Галиана встретила их. Но тут видится и проблеск надежды.

Скади никакого проблеска не видела. Человечество веками искало чужой интеллект, явных разумных собратьев. Но до сих пор нашло только удивительные организмы, едва ли могущие считаться разумными по человеческим меркам: жонглеров образами и затворников. Да еще обнаружило археологические памятники восьми либо девяти мертвых культур. Но никогда не встречало развитую, использующую машины цивилизацию, то, с чем могло бы сравнить себя.

До сих пор не встречало.

И эта цивилизация, кажется, озабочена лишь тем, чтобы выслеживать, проникать и убивать, а затем вторгаться в мозг.

Не слишком-то перспективный первый контакт.

— Проблеск надежды? — удивленно спросила Скади. — Вы серьезно?

— Да, Скади. Ведь мы не знаем, успели кубы передать собранную информацию тем, кто их послал, или нет. В конце концов, корабль Галианы вернулся. Лишь она сама могла направить корабль домой, и едва ли она пошла бы на это, если бы видела опасность для нас. Думаю, Клавэйн гордился бы ею. Она всегда заботилась о нас, о Материнском Гнезде.

— Но ведь Галиана рисковала...

Голос Ночного совета оборвал резко и безапелляционно:

— Скади, корабль — это предупреждение. Так задумала Галиана — и так мы должны воспринять ее прилет.

— Предупреждение?

— Да. Нам необходимо подготовиться. Враги, убившие ее, живы и готовы напасть. Рано или поздно мы встретимся с ними.

— Вам как будто не терпится это сделать.

На это Ночной совет ничего не ответил.

Галиану отыскали через неделю. Корабль был огромен, его внутренности сильно изменились — поиски шли медленно. Скади сама занималась этим вместе с другими бригадами исследователей. Работали

в тяжелых керамических доспехах, надетых поверх скафандров. Несмотря на смазку, керамические сочленения делали движения крайне неуклюжими и неловкими, требующими тщательного расчета. Устав от нелепых рывков, от заклиниваний в крайне неудобных положениях, откуда приходилось выбираться с большим трудом, повторяя движения в обратном порядке, Скади торопливо составила алгоритм и поручила его исполнять группе не занятых ничем актуальным нейронов. Двигаться стало легче, хотя появилось неприятное ощущение призрачного двойника, управляющего телом. Скади отметила про себя, что нужно переписать программу, сделать так, чтобы все движения казались целиком добровольными, сколь бы фальшивым это ни было по сути.

К тому времени, как отыскалась Галиана, роботы уже полностью выполнили свою задачу: обеспечили безопасность большей части корабля. Покрыли эпоксидной смолой с гипералмазными волокнами останки чужих машин, взяли образцы ДНК у многих трупов в исследованных областях. Каждый образец идентифицировали по базе данных корабельных команд, сохраняемых в Материнском Гнезде со времени отбытия экспедиционного флота. Но отыскивали ДНК далеко не всех из списка команды.

Конечно, Скади этого ожидала. Когда первый корабль, несший на борту Клавэйна, вернулся, Материнское Гнездо узнало о принятом в глубине космоса, за десятки световых лет, решении разделиться. Часть экспедиции захотела вернуться домой, узнав о войне с демархистами. Также считали, что настало время передать Гнезду собранные данные. Их накопилось слишком много для безопасной пересылки.

Раздел экспедиции не был омрачен ссорой. Были сожаление и горечь — но не разобщенность, не враждебность. После длительного обсуждения — обычного для сочленителей способа поиска решений — раздел посчитали наиболее логичным вариантом. Это позволило продолжить работу экспедиции, надежно сохранив уже добытое. Но, хотя Скади и знала, кто остался на паре ушедших дальше кораблей, она не представляла себе последующих событий. Субсветовики, несомненно, обменивались членами команды. Но как это происходило? Да, вернулся тот самый корабль, на котором отбыла Галиана, но это не значит, что она оставалась на борту. Если ее здесь нет, разочарована будет не только Скади, но и все Материнское Гнездо. Галиана — символ, легенда. Ведь это она создала сочленителей четыреста лет назад, в одиннадцати световых годах отсюда, в паутине тоннелей-лабораторий под марсианской поверхностью. Потом отсутствовала почти два столетия — достаточно, чтобы ее фигура приобрела мистический ореол. Хотя, живя среди сочленителей, Галиана прилагала все усилия, чтобы не стать предметом культа. Вернулась же — если и вправду вернулась, — когда вахту несла Скади. Не важно, что Галиана, скорее всего, мертва, как и ее команда. Чтобы упрочить свое положение и престиж, Скади достаточно просто отыскать ее останки.

Но нашлись не останки.

Место упокоения Галианы — если такое название здесь уместно — находилось далеко от центра корабля. Она спряталась за массивными баррикадами, в удалении от команды. Тщательное криминалистическое обследование показало: каналы связи между убежищем и остальными системами субсветовика были разорваны изнутри, из убежища. Галиана, очевидно, пыталась изолировать свой разум от остальных сочленителей.

Скади задумалась: что это, самопожертвование или самосохранение за счет других?

Галиана пребывала в анабиозе, охлажденная до полной остановки метаболизма. Но черные машины все же достали ее. Проломились сквозь броню криокапсулы, набились в пространство между телом и стенками. После разборки контейнера выяснилось: кубики покрыли тело сплошной черной оболочкой, сделали похожим на мумию. Но под ней, несомненно, лежала Галиана — сканеры проанализировали строение скелета и пришли к однозначному выводу: кости принадлежат ей. Тело, похоже, не подверглось распаду во время долгого полета. Более того, датчики уловили активность нервных имплантатов. Хотя они были слишком слабы для поддержания связи с мозгом, не оставалось сомнений: то, что заключено в коконе, способно мыслить и общаться.

Внимание исследователей переключилось на кокон. Но химический анализ кубиков ничего не дал. Казалось, они ни из чего не состоят, не обнаруживают самонаименьших признаков микроструктуры: ни молекул, ни атомов. Стены кубиков сформировало силовое поле, пронизываемое для определенных видов излучения. Их поверхность очень холодна — в отличие от прочих чужеродных машин, найденных в звездолете, эти кубики еще функционируют. Но не сопротивляются попыткам обособить их от общей массы. Будучи отделенными, быстро сокращаются до микроскопических размеров.

Группа Скади пробовала сфокусировать сканеры на кубиках, пытаясь различить что-либо под поверхностью, но те уменьшались слишком быстро. На их месте оставались микрограммы дымящегося пепла, — вероятно, находившийся в центре кубика механизм был запрограммирован на самоуничтожение при определенных обстоятельствах.

Сняв большую часть черного слоя, бригада Скади перенесла Галиану в реанимационную палату, устроенную в нише стены. Работали при той же температуре, при какой хранилось тело, стараясь причинить минимум повреждений.

И вот наконец с чрезвычайной осторожностью и терпением они принялись отделять последний тонкий слой чужеродной машинерии.

Теперь, когда преград взгляду осталось гораздо меньше, стало понятно, что случилось с Галианой. Черные машины проникли и в ее голову, но куда аккуратнее и осторожнее, чем в головы других членов

команды. Имплантаты подверглись частичному демонтажу — вторгшимся машинам требовалось место, — но все крупные структуры мозга остались нетронутыми. Скади подумалось: на предыдущих жертвах кубики лишь тренировались, учились проникать в человеческий мозг, а добравшись до Галианы, уже знали, как при вторжении не разрушить его.

Скади приободрилась. Черные структуры были четко локализованы и неактивны. Небольшая аккуратная операция — несложная, тривиальная даже, — и кубики будут вынуты, отделены один за другим.

— Это возможно! Мы сумеем вернуть ее!

— Осторожнее, Скади. Мы еще далеки от финала, дорога может оказаться трудной.

Увы, Ночной совет оказался прав.

Бригада Скади начала убирать оболочку с ног. Исследователи обрадовались, увидев, что живая ткань почти цела. Понемногу достигли шеи. Пришли к выводу: можно попробовать разогрев, возвращение к нормальной температуре тела — хотя процедура будет гораздо сложнее, чем выход из обычного анабиоза.

Но когда стали убирать кубики с лица, поняли: работа далека от завершения.

Внезапно черные машины задвигались, заскользили. Перекатываясь, вздымаясь отвратительными грязными волнами, остатки кокона устремились внутрь Галианы, словно ожившая нефтяная пленка. Черная жижа втекла в рот, ноздри, уши, глазницы, просочилась под глазные яблоки.

Галиана казалась блистательной королевой, возвратившейся к трону. Именно такой надеялась увидеть ее Скади, когда узнала о приближении субсветовика. Даже длинные черные волосы, пусть и хрупкие при сверхнизкой температуре, остались такими же, как и в час отлета. Но черные машины угнездились в мозгу, умножив уже присутствующие чужие структуры. Сканеры показали: оригинальная мозговая ткань сместилась незначительно, но большая часть имплантатов исчезла, чтобы дать место захватчикам. Черный паразит выглядел крабом, забравшимся в голову, запустившим клешни и членистые конечности в ткани мозга.

Очень постепенно, в течение многих дней, исследователи подняли температуру тела, оставив ее чуть ниже нормальной. Все это время они следили за активностью чужака, но ничего не зарегистрировали, даже когда оставшиеся имплантаты согрелись и начали взаимодействовать с размораживающейся мозговой тканью.

Скади позволила себе робкую надежду: может, еще и удастся вернуть Галиану?

Надежда эта почти оправдалась.

Она услышала голос. Человеческий. Женский. Станный. Лишенный особого тембра, а вернее, той особой бесцветности, божественного спокойствия, совершенства, какие отличают рожденный в сознании голос. Этот же явно возник в человеческом горле, прошел несколько метров по воздуху, был воспринят обычным человеческим ухом и декодирован — со множеством неточностей, с потерей тонких оттенков. Такого голоса Галиана не слышала очень давно.

— Здравствуйте, Галиана, — произнес голос.

«Где я?» — мысленно спросила она.

Ответа не последовало.

Спустя несколько секунд голос заметил:

— Вам тоже следует говорить вслух. Достаточно лишь сделать усилие — мы уловим импульсы, посланные к голосовым связкам. Но чисто мысленный ответ, боюсь, нам не уловить — между нашими разумами нет связи.

Еще несколько веков назад человечество открыло принцип прямой связи между сознаниями. Устная речь казалась Галиане чудовищно медленной и прямолинейной, хотя грамматика и синтаксис, конечно, были знакомы.

Она захотела озвучить вопрос и услышала, как ее усиленный аппаратурой голос спросил:

— Почему?

— Мы объясним это позже.

— Где я? Кто вы?

— Вы здоровы, и вам больше не угрожает опасность. Вы дома, в Материнском Гнезде. Мы нашли ваш корабль и оживили вас. Меня зовут Скади.

Вокруг смутно виднелись какие-то тени. Затем комната осветилась. Галиана лежала на спине, под небольшим углом к полу, внутри контейнера, похожего на криокапсулу, но без крышки. Кое-что видела периферийным зрением, но не могла пошевелиться, не могла даже сфокусировать взгляд. Размытый силуэт приблизился, обрел четкость. Человек склонился над контейнером.

— Скади? Я вас не помню...

— Вы и не можете. Я присоединилась уже после вашего отбытия.

На языке вертелись вопросы — тысячи важных вопросов. Но все их разом не задать при столь архаичном способе коммуникации. Однако надо с чего-то начать.

— Долго я отсутствовала?

— С точностью до месяца — ровно сто девяносто лет. Вы улете-ли в...

— Две тысячи четыреста пятнадцатом, — быстро ответила Галиана.

— Да. Сейчас две тысячи шестьсот пятый.

Многое Галиана помнила слабо, многое вспоминать не хотелось. Но основное представлялось ясно. Она повела тройку кораблей из Ма-

теринского Гнезда далеко за пределы освоенного людьми пространства с целью исследования новых, ранее не посещенных миров и поиска иного разума. Когда пришла весть о войне, один корабль повернул назад. Но два других еще долго странствовали, пройдя сквозь множество звездных систем.

Галиана, как ни пыталась, не могла вспомнить, что произошло со вторым кораблем. Она ощущала лишь резкий холод потери, мертвую пустоту в разуме, оставленную множеством вдруг умолкших голосов.

— А что с моей командой?

— Об этом потом, — ответила Скади.

— А Клавэйн и Фелка? Они сумели вернуться? Мы распрощались в глубоком космосе. Они прибыли в Материнское Гнездо?

Молчание было долгим и жутким.

Наконец Скади выговорила:

— Да, они вернулись.

Если бы могла, Галиана вздохнула бы. Радостное облегчение накатило волной. Лишь теперь она поняла, как сильно переживала за судьбы любимых.

Галиана счастливо и умиротворенно посмотрела на Скади. Во многом та выглядела в точности как сочленитель тех времен, когда стартовали корабли. Одета была просто: свободные черные брюки из мягкой ткани, свободный же, почти не приталенный черный жакет из напоминающего шелк материала. Ни энтоптики, ни признаков ранга. Сама бледная, худая до истощенности. Кожа гладкая, воскового оттенка, правильные черты. Лицо не отталкивающее, но и не привлекательное, лишнее выражения, кукольно-неживое. Впечатление усиливалось полным отсутствием волос на голове. Ни дать ни взять незавершенная кукла. Хотя в этом она похожа на тысячи сочленителей. Трудно отличить обитателя Гнезда от других, когда нет связи с его разумом, когда он не окружен энтоптическими образами, придающими его облику индивидуальность.

Все же ничего подобного Галиана раньше не видела. На голове женщины возвышался гребень — узкое жесткое образование, начинающееся в дюйме от носа и тянущееся ровно посередине черепа до затылка. Острие гребня было узким — твердая кость, — но по бокам проходила сверху вниз череда тончайших полос, напоминающих жаберные щели. Свет дифрагировал на них, играя яркой синевой, полыхая оранжевым пламенем; все оттенки видимого спектра переливались при малейшем движении. Более того, радужные волны пробегали вдоль гребня и тогда, когда Скади не шевелилась.

— Вы такая от рождения? — спросила Галиана.

— Нет. — Скади осторожно притронулась к гребню. — Это модификация. Многие изменилось, пока вы отсутствовали. Вам, наверное, и не представить, насколько быстро думают лучшие из нас.

— Лучшие из вас?

— Согласно, это довольно двусмысленное выражение. Мы все равны. Но некоторые достигли пределов возможностей, предоставляемых человеческим организмом. Имплантаты в наших головах позволяют мыслить в десять—пятнадцать раз быстрее, чем это делает невооруженный человеческий мозг, — но они генерируют много тепла. Омывающая мой мозг кровь закачивается в гребень и распространяется по сети мелких сосудов в жабрах. Там она охлаждается. Гребень устроен так, чтобы обеспечивать как можно большую площадь жаберных складок. К тому же они вибрируют, обеспечивая циркуляцию воздуха. Как мне говорили, гребень эстетически приятен, но это лишь случайный побочный эффект. Для чего нужны подобные гребни, мы поняли, изучая динозавров. Эти существа были не так нелепы, как принято считать.

Скади снова погладила гребень:

— Галиана, пусть это вас не беспокоит. Изменилось далеко не все.

— Мы узнали о войне, когда удалились на пятнадцать световых лет, — сказала та. — Конечно, сперва была эпидемия... а затем война. Но вести казались бессмысленными. Война с нашими старыми союзниками, демархистами...

— Увы, эти вести правдивы.

— Господи, отчего такая война?

— Дело в эпидемии. Она уничтожила общество демархистов. Йеллоустон оказался в безвластии, прежняя система управления исчезла. Уцелевшие представители власти попросили нас заняться управлением Города Бездны и смежных поселений, создав подобие тайного правительства. Они считали: уж лучше мы, чем другие фракции. Представляют, что могли натворить, например, ультра либо угонщики? Новый порядок просуществовал без проблем несколько лет, но затем демархисты вновь набрались сил. Им перестало нравиться то, что мы теперь управляем системой, а вести переговоры о мирном возвращении власти они не захотели. И тогда началась война. Ее начали демархисты, с этим согласны все.

Скверные известия. Настроение Галианы померкло. До последнего надеялась, что известия преувеличивали серьезность проблем.

— Но, очевидно, мы выиграли?

— Нет. По сути, еще нет. Война продолжается.

— Продолжается? Но прошло уже...

— Пятьдесят четыре года. Да. Очень долго. Конечно, были официальные перемирия и фактические прекращения военных действий, но долго они не продлились. Прежние идеологические разногласия вскрылись, будто старые раны. В глубине души демархисты всегда не доверяли нам, а мы всегда рассматривали их как реакционеров, луддитов, не желающих принять следующую фазу человеческого совершенствования.

Галиана вдруг ощутила, впервые после пробуждения, странное болезненное давление в области глаз. С ним пришел ужас преследуемой

добычи, ощутившей близость темных зловещих хищников. Этот страх вырвался из самых архаичных частей мозга.

«Это машины, — сказала память. — Как волки на запах, они пришли из межзвездной глубины на тепло ваших двигателей и взяли след... Галиана, ты называла их волками. Их... Нас».

Но странный момент ужаса, раздвоенности разума прошел.

— Но ведь мы так долго работали вместе и уживались, — сказала Галиана. — Возможно, мы снова сумеем объединиться, вспомним общее. Есть вещи гораздо более важные, чем нелепая тяжба за власть в одной звездной системе.

— Боюсь, теперь слишком поздно. — Скади покачала головой. — Слишком много смертей, предательств, зверств. Война распространилась и на другие системы, где есть демархисты и сочленители.

Она улыбнулась, но улыбка вышла натянутой, напряженной, будто лицо немедленно примет прежнее равнодушное выражение, лишь только расслабятся мускулы.

— Но положение дел далеко не так безнадежно, как вам, возможно, представилось. Мы выигрываем — медленно, но верно. Клавэйн вернулся двадцать два года назад и сразу начал действовать. До его прибытия мы лишь оборонялись, загоняли сами себя в ловушку. Действовали как типичный коллективный разум, — и оттого враг с легкостью предсказывал наши ходы. Клавэйн вывел нас из тупика шаблонных представлений.

Галиана попыталась изгнать память о межзвездных волках, вспоминая, как впервые повстречала Клавэйна. Это случилось на Марсе. Клавэйн воевал на стороне Коалиции за невральную чистоту, которая объединила противников экспериментов по усовершенствованию мозга, и поставил целью полное уничтожение сочленителей. Никаких договоренностей и компромиссов он не признавал.

Но Клавэйн видел дальше и шире. Прежде всего, еще будучи пленником, он сумел объяснить Галиане, насколько жуткими ее эксперименты кажутся людям. Клавэйн делал это медленно и упорно, в течение нескольких месяцев. Позднее, когда его освободили и состоялись переговоры о перемирии, именно он попросил демархистов выступить посредниками, нейтральной третьей стороной. Те и сформулировали договор о перемирии, а Клавэйн сумел принудить Галиану к подписанию. Ход оказался гениальным, дав начало союзу между сочленителями и демархистами, продлившемуся столетия. А Коалиция за невральную чистоту вскоре канула в Лету, осталась лишь примечанием на странице учебника истории.

Сочленители продолжили эксперименты с усовершенствованием мозга. Им не противились, их даже всемерно приветствовали — при условии, конечно, отсутствия попыток навязать их другим культурам. Демархисты активно пользовались технологиями сочленителей и представляли их другим фракциям.

Все были довольны.

В глубине души Галиана понимала: Скади права. Союз сочленителей и демархистов был непрочным. Рано или поздно неизбежно разразилась бы война. Ее обязательно спровоцировала бы трагедия, подобная эпидемии.

Но чтобы война продлилась чертовы полвека с лишним? Клавэйн бы этого не потерпел. Не смирился бы с чудовищной и бессмысленной растратой труда и жизнью. Несомненно, он бы либо отыскал способ выиграть быстро, одним ударом, либо принудил бы стороны к долговременному перемирию.

Странная мигренеподобная боль и пугающее ощущение чужого присутствия в мозгу усилились. Словно чужой смотрит сквозь твои глаза, распоряжается в голове, сделав тебя, прежнего хозяина, лишь жильцом.

«Мы приблизились к вашим кораблям неспешно и обстоятельно — древние хищники, чья раса не знала неудач и поражений. Вы ощутили наши разумы: блеклые, почти растворившиеся в холодной машинной логике, безликые, словно межзвездная пыль.

Вы ощутили наш голод».

— Но Клавэйн... — прошептала она.

— Что Клавэйн? — спросила Скади.

— Он бы нашел способ покончить с войной так либо иначе.

Скади отвернулась, гребень на ее голове показался тонкой линией. Когда посмотрела снова, лицо приобрело странное выражение, — похоже, Скади попыталась изобразить сочувствие.

А чужое в голове Галианы все настойчивее говорило о себе:

«Вы видели, как мы обволокли ваш первый корабль сплошным покровом черных машин: грызущих, проникающих, исследующих. Мы разломали корабль на части — и он взорвался. Вспышка отпечаталась розово на вашей ретине, словно огненный лебедь. Вы ощутили вскрик множества гибнущих разумов — будто тысячи гибнущих детей. Ваших детей.

Вы попытались убежать — но было слишком поздно.

Настигнув ваш корабль, мы действовали осторожней».

— Галиана, все не так просто, — сказала Скади.

— Что не просто?

— Я о Клавэйне.

— Вы сказали: он вернулся.

— Да. С Фелкой. Мне больно говорить об этом, но они погибли. — Слова падали медленно, тяжелые как вздохи. — Одиннадцать лет назад. Демархистам повезло. Атака на Гнездо, удачное попадание.

Рациональный, искренний ответ Галиана отыскала лишь один, и это было полное отрицание.

— Нет!!!

— Мне очень жаль. — Гребень Скади сверкнул ультрамарином. — Досадная случайность. Как бы я хотела, чтобы все обернулось по-другому. Клавэйн и Фелка были ценнейшими компонентами общества...

— Компонентами общества?

Скади уловила ярость Галианы и поспешила исправиться:

— Я хотела сказать, их очень любили. Галиана, мы глубоко скорбим о них. Все мы.

— Так покажите мне эту скорбь. Откройте разум, уберите заслоны. Я хочу видеть ваш разум!

Скади замерла, стоя у контейнера:

— Галиана, зачем?

— Не войдя в разум, я не смогу понять, правду вы говорите или лжете.

— Я не лгу, — тихо проговорила Скади. — Но я не могу открыть прямую связь между нашими разумами. Видите ли, в вашем мозгу находится кто-то посторонний. Незнакомый нам. Возможно, чуждый и, скорее всего, враждебный.

— Я не верю...

Но вдруг давление за глазами резко усилилось, и Галиана испытала отвратительное, унижительное чувство беспомощности: ее, хозяйку разума, бесцеремонно отпихнули, подавили, сунули в далекий угол, и осталось лишь бессильно наблюдать. Нечто невыразимо древнее и злое завладело мозгом, выглянуло наружу из глаз.

И она услышала собственный, звучащий против воли голос:

— Не меня ли вы имеете в виду?

Скади лишь чуть замешкалась. Галиана восхитилась крепостью ее нервов и силой духа.

— Возможно. И кто же вы?

— У меня нет имени, кроме данного мне ею.

— Ею? — спросила Скади насмешливо, но гребень мерцал бледной зеленью, выдавая страх.

— Галианой. Перед тем, как я ею завладел, — ответила чуждая сущность. — Она назвала нас — то есть мой разум — волком. Разрушив первый корабль, мы догнали ее корабль и внедрили. Поначалу мы не понимали многого. Но, проникая в мозг, поглощая центральную нервную систему, мы узнавали многое. Читали мысли, выявляли способы коммуникации, определяли произошедшее с разумами.

Галиане хотелось кричать, но волк — именно такое название она дала захватившему разум существу — полностью овладел ее голосом.

Прежний кошмар вернулся.

— Почему вы не убили ее? — спросила Скади.

— Зачем убивать? — с насмешливым укором спросил волк. — Вам бы стоило другой вопрос задать: отчего Галиана не убила себя, прежде чем вошла в такое состояние? Знаете, она ведь могла. В ее власти было уничтожить весь корабль, просто пожелав того.

— И каков же ответ?

— После уничтожения всей ее команды мы пришли к соглашению: если позволим Галиане вернуться домой, она не убьет себя. Она понимала, что это значит: я вторгнусь в ее череп, просею память.

— Почему вы пощадили ее?

— Скади, она же ваша королева. Прочитав память команды, мы поняли: нам нужна именно Галиана.

Скади молчала. По гребню от носа к затылку медленно бежали аквамариновые, бирюзовые волны.

— Она бы никогда не подвергла Гнездо такому риску.

— Подвергла при условии, что мы ей позволим заблаговременно предупредить Гнездо. Как видите, взаимовыгодная сделка. Она дала нам время — и надежду — узнать больше.

Скади прикоснулась пальцем к верхней губе, потом выставила его перед собой, словно определяя направление ветра.

— Если вы и в самом деле намного превосходящий нас разум, узнавший наше местонахождение, вы бы уже могли истребить нас.

— Отлично, Скади. В определенном смысле — вы правы. Одно но: мы не знаем, куда Галиана нас привезла. То есть я знаю, но не могу сообщить остальным. Правда, это не имеет значения. Вы — освоившая межзвездные перелеты цивилизация, хотя и не все фракции человеческого сообщества на такое способны. Но для нас ваши различия несущественны. Из поглощенной памяти и той, где мы сейчас гнездимся, нам известно приблизительное расположение области пространства, где вы обитаете. Эта область расширяется, ее поверхность растет как квадрат ее поперечника. Соответственно, растет вероятность нашей встречи. Она произошла однажды, а значит, может произойти снова, в другом месте.

— Зачем вы мне это рассказываете? — спросила Скади.

— Чтобы напугать. Зачем еще?

Но Скади на такую несложную уловку не поддалась.

— Нет, полагаю, есть причина серьезнее. Вы хотите внушить мне, что можете быть полезным.

— И с чего бы мне это внушать? — игриво промурлыкал волк.

— С того, что я могу убить вас прямо сейчас, это проще простого. Галиана вернулась, предупреждение доставлено.

Если бы Галиана могла двигаться, хотя бы шевельнуть веком, немедля бы просигналила: «Да!» Она хотела умереть. Ради чего теперь жить? Клавэйн мертв. Фелка мертва. В этом она не сомневалась — равно как и в том, что никакие технические ухищрения нынешних сочленителей не уберут черную тварь у нее из головы.

Скади права: Галиана исполнила свой долг перед Материнским Гнездом. Теперь известно: волки приближаются, крадутся на запах теплой крови.

Более нет причины оставлять ее в живых. Несмотря на все меры предосторожности, волк способен высвободиться из ее головы и удрать. Конечно, Материнское Гнездо может получить новые сведения — к примеру, выяснить мотивы либо уязвимые места черного хищника, — но это не перевешивает риск его побега, непременно влекущего за собой катастрофу.

Все это Галиана хорошо понимала. Когда волк получил доступ к ее памяти, его собственные воспоминания стали просачиваться в ее рас-судок — возможно, не случайно. Нельзя исключать, что чужак допустил это сознательно. Его память оказалась бесформенной, едва облекаемой в слова. Но она рождала мысли о дльщемся миллиарды лет ге-ноциде, осуществляемом с хирургической точностью, о беспощадном выкашивании всего разумного. Память хищника сохранила с мертвен-ной бюрократической точностью множество актов истребления по всей Галактике. Каждый акт — всего лишь отдельная карточка в огромной пыльной картотеке. Иногда бывали хлопоты, лихорадочная деятель-ность — истребление начиналось позже предусмотренного срока. А ино-гда — очень редко — волки свирепо добивали разум, сумевший уцелеть после недостаточно тщательной зачистки.

Но Галиана не обнаружила ни единого воспоминания о неудачах.

С шокирующей внезапностью волк отступил, позволил говорить.

— Скади! — взмолилась она.

— Что такое?

— Пожалуйста, убей меня. Убей!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Антуанетта Бакс наблюдала, как робот-полицейский выбирается из шлюза. Машина — небольшой черный округлый корпус, членистые острые конечности. Скульптура из ножниц. И ужасно холодная, ведь она была пристыкована снаружи полицейского катера. Три катера до-гнали и взяли в клещи корабль. С робота испарялось рабочее веществ-во химических движков, едкая жижа цвета мочи, застывшая симпатич-ными разводами: спиральками, вихорьками.

— Отступите! — посоветовал робот. — Физический контакт не ре-комендуется.

Испарения робота пахли мерзко. Антуанетта опустила визор шлема, когда машина просеменила мимо.

— Не понимаю, что вы надеетесь отыскать, — сказала она, держась позади на безопасном расстоянии.

— Пока не найду, не узнаю, — ответил робот, уже определивший частоту интегрированной в ее скафандр рации.

— Эй, я контрабандой не занимаюсь! Мне покойницей стать не хо-чется.

— Они все так говорят.

— Ну кому придет охота тащить контрабанду в хоспис «Айдлвильд»? Там же сборище сдвинутых на религии нищенствующих фанатиков, а не притон контрабандистов.

— Так мы знаем, что такое притон контрабандистов?

СОДЕРЖАНИЕ

КОВЧЕГ СПАСЕНИЯ. <i>Перевод Д. Могилевцева</i>	5
ПРОПАСТЬ ИСКУПЛЕНИЯ. <i>Перевод О. Колесникова</i>	565